

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемые в настоящем издании письма членов семьи Карамзинных — вдовы историографа Екатерины Андреевны и его детей — Софьи Николаевны, Екатерины Николаевны (Межерской), Александра, Владимира и Елизаветы — к их сыну и брату Андрею Николаевичу, писанные во время его заграничного путешествия в 1836—1837 годах, обнаружены были в Нижнем Тагиле накануне Великой Отечественной войны. Они поступили в Нижнетагильский краеведческий музей, где ими занялись библиотекарь музея Е. В. Боташева и краевед Н. С. Боташев, инженер Новотагильского завода. Оценив по достоинству замечательную находку, Н. С. Боташев поместил о ней обстоятельную статью в местной газете «Тагильский рабочий» от 11 апреля 1954 года (№ 72). Статья была перепечатана в областной газете,¹ затем сообщение о письмах появилось и в «Комсомольской правде».² В то же время подготовленные к печати извлечения из писем Карамзинных были посланы Н. С. Боташевым в Москву, в редакцию «Нового мира».

Как только газетные публикации о найденных документах стали известны в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР, в Нижний Тагил было направлено письмо с запросом о них и с предложением передать эти важные для науки материалы в центр советского пушкиноведения — Пушкинский дом. Предложение это мотивировалось специальным постановлением Совета Народных Комиссаров СССР (от 4 марта 1938 года, № 256) о сосредоточении всех документов, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, в Государственном музее А. С. Пушкина, вошедшем в состав учреждений Ака-

¹ Ценная находка. Новые материалы о А. С. Пушкине. «Уральский рабочий», Свердловск, 1954, 20 апреля, № 93.

² Интересная находка. «Комсомольская правда», 1954, 25 апреля, № 98 (8886).

демии наук СССР; функции музея в отношении рукописных собраний впоследствии перешли к Институту русской литературы (Пушкинскому дому).

В ответ на запрос Пушкинского дома Н. С. Боташев сообщил (в письме от 10 мая 1954 года):

«Письма Карамзиных, о которых идет речь в моей статье, подготовлены к печати и направлены для публикации в журнал „Новый мир“.

«В настоящее время они находятся в фондах библиотеки Нижнетагильского музея краеведения и после опубликования будут переданы в Пушкинский фонд Вашего института».

Передача Пушкинскому дому писем Карамзиных была вскоре (в начале июля 1954 года) утверждена Управлением музеев Министерства культуры РСФСР.

Однако и опубликование писем, и фактическое поступление их в фонды Пушкинского дома затянулись надолго.

По поручению редакции «Нового мира» в Нижний Тагил был направлен писатель и литературовед И. Л. Андроников. Он вновь изучил найденные в краеведческом музее письма, дополнил сделанные Н. С. Боташевым выборки и подготовил их к печати. Эта публикация и появилась в «Новом мире», в январском номере 1956 года, перед 119-й годовщиной смерти Пушкина.³

Только после этого была произведена передача писем Карамзиных в Институт русской литературы (Пушкинский дом). Они были привезены из Нижнего Тагила в Ленинград и 26 мая 1956 года приняты на постоянное хранение в Рукописный отдел Пушкинского дома, где вошли в состав фонда А. С. Пушкина⁴ как документы первостепенного значения для истории последних месяцев жизни Пушкина, его дуэли и смерти, а также посмертных откликов на это событие.

Как попали письма Карамзиных в Нижний Тагил? Известные нам и приведенные в статьях Н. С. Боташева и И. Л. Андроникова историко-биографические факты говорят следующее.

³ Ираклий Андроников. Тагильская находка. — Из писем Карамзиных. Публикация Н. Боташева. Пояснительный текст И. Андроникова. — «Новый мир», 1956, № 1, январь, стр. 153—209. Перепечатано в изд.: Ираклий Андроников. Тагильская находка. Изд. «Правда», М., 1956 (Библиотека «Огонек», № 7—8), а также в английском переводе: The last days of Pushkin. From unpublished contemporary letters by Irakly Andronikov. Translated by Ivy Litvinova. Foreign languages publishing house, Moscow, s. a. (1959). В этих публикациях приведены извлечения из писем (соответственно нумерации настоящего издания) №№ 1—3, 5, 7, 8, 10—15, 17—21, 23—38, 40, 42, 44—46, причем все французские тексты даны в переводе.

⁴ Институт русской литературы (Пушкинский дом), ф. 244, оп. 18, № 265.

Нижний Тагил с его чугуноплавильными и оружейными заводами, основанными в самом начале XVIII века, по указаниям Петра I, тульским кузнецом и оружейником Никитой Демидовичем Антуфьевым, получившим дворянство с фамилией Демидова,⁵ принадлежал в 30-х годах XIX века потомкам Никиты Демидова — братьям Анатолию и Павлу Николаевичам Демидовым. Последний в 1836 году женился на Авроре Карловне Шерваль, от которой имел сына Павла Павловича. Брак был непродолжительным: в 1840 году П. Н. Демидов умер, а через шесть лет вдова его вышла замуж вторично за Андрея Николаевича Карамзина, сына историка. На правах опекуна он участвовал в управлении уральскими демидовскими заводами и не раз приезжал в Нижний Тагил. «Очевидно, — пишет Н. С. Боташев, — в один из приездов А. Н. Карамзина в Нижний Тагил и попали туда эти письма, которые он хранил как реликвию. После его смерти они остались в Тагиле».⁶

Возможно, однако, что письма попали в Нижнетагильский демидовский архив и позднее: после смерти (в 1854 году) Андрея Карамзина они могли остаться в руках его вдовы, Авроры Карловны, свято чтившей память мужа и всё, что связывало ее с семейством Карамзиных. Она умерла в глубокой старости в 1902 году, надолго пережив и сына, умершего в 1885, и только тогда, может быть, письма Карамзиных к ее мужу поступили в Нижнетагильский личный архив Демидовых, а затем и в фонды заводоуправления. Эти предположения требуют еще дополнительных разысканий.

Как бы то ни было, судьба карамзинских писем остается неясной в течение многих десятилетий, почти до наших дней. По словам Ираклия Андроникова,⁷ только в 1939 году, после смерти 84-летнего маркшейдера П. П. Шамарина, работавшего до Октябрьской революции в демидовском управлении, они были найдены при разборке его вещей и через посредство Е. В. Боташевой поступили, как сказано выше, в Нижнетагильский краеведческий музей, а оттуда — в Пушкинский дом.

Сразу же после получения подлинников в Пушкинском доме возник вопрос о необходимости нового, по возможности полного, издания писем. Вопрос этот был поднят потому, что публикация «Нового мира», при всех ее достоинствах и мастерстве обработки, выполненной И. Л. Андрониковым, была по необходимости лишь очень неполной и не удовлетворяла не только

⁵ См.: Нижний Тагил. ОГИЗ, Свердловское обл. гос. издательство, 1945 (сборник статей и материалов, особенно статьи И. Рябова, Н. Колюпанова и др.).

⁶ «Новый мир», 1956, № 1, январь, стр. 162.

⁷ Там же, стр. 162—163.

научным, но и читательским требованиям. Извлечения из писем, данные в публикации «Нового мира» вкрапленными в связный рассказ, иногда без соблюдения хронологического порядка, не могли не быть краткими, в иных случаях — состоящими из одной фразы, из нескольких слов. Они не только были изъятые из контекстов, но не исчерпывали и всех данных, относящихся к Пушкину, оставляя в стороне или давая в изложении некоторые мелкие сообщения. Отсутствие контекстов, из которых извлечены приводимые в «Новом мире» отрывки, нередко затрудняет их понимание и создает неверное восприятие, так как отрывки теряют свой характер и свои соотношения с общим содержанием того или иного письма. Кроме того, переводы писем, сделанные очень литературно, но не всегда точно, не дают полного представления о подлинных (французских) текстах; в некоторых же случаях неточность переводов привела к неверному их пониманию, что соответственно повлияло на комментарий. Нельзя забывать, что значение писем не только в сообщениях, прямо относящихся к Пушкину и к его семье, но и в создаваемой ими живой и яркой картине общественного быта, окружавшего поэта, в изображении той среды — придворно-аристократической, гвардейской, дипломатической и литературной, в которой ему приходилось жить и действовать, в изображении той общественной атмосферы, в которой разыгралась драма, приведшая его к гибели. И эти изображения может дать только полный и подлинный текст карамзинских писем.

Однако же при подготовке писем участвовавшие в ней сотрудники Пушкинского дома встретились с рядом обстоятельств, заставивших отказаться от абсолютной полноты публикации. Во-первых, полный текст писем в подлинниках с переводами занял бы не менее 35 печатных листов, не считая комментария; печатать только французские тексты без переводов не имело бы смысла; давать же одни переводы без французских текстов редакция считала недопустимым для академического издания. Во-вторых, — и это главное — многие письма лишены интереса для основной «пушкинской» темы издания, более того — лишены вообще конкретного содержания; таковы — в большинстве — письма Екатерины Андреевны Карамзиной, заполненные выражениями любви к сыну, тревоги за его здоровье и поведение, материнскими советами, уговорами и замечаниями, религиозными размышлениями и пр., без единого факта, даже семейно-бытового значения. Таковы также полудетские письма младшей дочери Карамзиных — Елизаветы Николаевны (Лизы); узко-личный и лирический характер имеют письма Екатерины Николаевны Мещерской; многие письма Софьи Николаевны Карамзиной, дающие в общем подробную хронику светской петербургской

жизни, содержат лишь мелкие имена и сообщения, не представляющие интереса и не связанные с Пушкиным. Весь подобного рода материал, заслуживающий основные линии писем, было признано возможным изъять без ущерба для содержания и значения всей публикации. Но при этом сохранены не только все те письма, в которых есть хотя бы малейшие, в несколько слов, сообщения, относящиеся к Пушкину, но и многие другие, дающие материал, рисующий окружение поэта, быт и характерные черты эпохи. Сохранены также некоторые письма Е. А. Карамзиной и других членов семьи, не имеющие особого значения для «пушкинской» темы, но нужные для характеристики их авторов, особенно Екатерины Андреевны; сохранено и последнее письмо, заключающее весь сборник, от 30 июля ст. ст. 1837 года, — именно потому, что оно последнее, хотя оно не упоминает о Пушкине и не имеет к нему прямого отношения.

Сборник писем, дошедший до нас почти в полном составе,⁸ насчитывает всего 65 писем, точнее — 65 почтовых отправлений. Почти в каждом отправлении — два-три и больше отдельных письма, написанных членами семьи по очереди или на отдельных листах: начинается обычно письмо Екатерина Андреевна, продолжает Софья Николаевна, присоединяются другие семейные и друзья, заканчивает нередко вновь Екатерина Андреевна. Лишь немногие письма написаны одним лицом — это преимущественно письма Александра Карамзина. В приписках участвуют Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, В. А. Соллогуб, А. О. Россет. Из этих сложных конгломератов мы отбираем те части, которые представляют тот или иной интерес; но как непрременное правило каждая публикуемая часть письма, написанная одним автором, печатается целиком, без каких бы то ни было изъятий, а в примечаниях даются указания на опущенные части писем и целые письма. В необходимых случаях отрывки из непубликуемых писем введены в комментарий.

Всего печатается (из 65) 47 писем (отправлений), и это вызвало необходимость дать письмам двойную нумерацию: одна обнимает публикуемые тексты, с 1-го по 47-й, и повторяется

⁸ Письма были заключены в красную сафьяновую папку с тиснением по краям, завязанную тесемками, — очевидно, переплет альбома, из которого вырезаны листы, а к оставленным у корешка узким полоскам бумаги подклеены письма. Утрачено очень немного листов: отсутствует первая половина письма С. Н. Карамзиной от 13 (?) июня 1836 года (№ 4); сохранились обрывки утраченного письма ее же, с датой «10 ию<ня>» или «ию<ля>», вероятно, 1837 года, и еще два отрывка писем, место и датировка которых не поддаются определению. Не хватает, возможно, нескольких последних (августовских) писем 1837 года, существование которых, однако, проблематично.

в примечаниях; вторая — со звездочками — является валовой нумерацией всех писем, с 1-го по 65-е, и приводится только в примечаниях. Ссылки во вступительной статье и перекрестные ссылки в примечаниях даются по первой нумерации, кроме цитат из непубликуемых писем и ссылок на них, что везде отмечено звездочками при номерах.

Большинство писем написано на французском языке. В письмах Е. А. Карамзиной встречаются русские слова и фразы; письмо ее от 30 января 1837 года (№ 28) написано почти целиком по-русски; гораздо меньше русского текста в письмах С. Н. Карамзиной и других членов семьи, кроме Александра, который пишет сначала чередуя оба языка, а потом почти полностью переходит на русский язык. Всё это создает известные трудности для установления принципов подачи текстов; вопрос был решен следующим образом.

Для того чтобы письма Карамзиных были доступны для самых широких кругов советских читателей, независимо от их знакомства с французским языком, основным текстом издания принят русский, т. е. переводы с французских оригиналов со включением в них писем, отрывков, отдельных фраз и слов, написанных по-русски; все тексты, написанные в подлиннике по-русски, выделяются звездочками, поставленными у начала и в конце каждого из них.

Французские фразы и слова, входящие в русский текст, даются в основном тексте, чтобы его не усложнять, в оригинале с русскими переводами их под строкою.

Немногочисленные, но все же встречающиеся в письмах иноязычные (т. е. не русские и не французские) слова и фразы даются в основном тексте в оригинале и переводятся тут же под строкой с указанием в скобках на их язык: (нем.), (англ.), (лат.), (итал.).

Вслед за основным (русским) текстом писем даются французские оригиналы их с той же нумерацией. Отдельные слова и короткие отрывки, написанные по-русски, повторяются здесь целиком; более длинные опускаются с указанием на страницы основного текста. Письма, целиком написанные по-русски, также опускаются, но для связи обозначаются их номерами и заголовками с указанием на страницы основного текста.

Следует отметить, что стиль французских оригиналов писем местами неправилен и шероховат, а орфография и пунктуация — нетверды и своеобразны. Во французских текстах настоящего издания эта своеобразная орфография не соблюдается и заменяется общепринятой современной — исключая те случаи, где она отражает архаические правила грамматики или особенности произношения. Русская орфография в письмах и отдельных

фразах подчинена тем же общим условиям: в русских текстах сохранены лишь особенности, характерные для эпохи и отражающие произношение их авторов.

Каждое письмо в основном тексте носит заголовок (номер и имена авторов) и в подзаголовке — редакторскую дату письма в его целом; каждая авторская дата сохраняется на своем месте. Заголовки и редакторские даты повторяются и во французских текстах, а также и в примечаниях. Автор каждой части письма (при наличии нескольких авторов) отмечается в русском и французском текстах заголовком.

Нумерация примечаний, отдельная для каждого письма, дается во всем основном (русском) тексте и повторяется в соответствующих частях французского. Подстрочные переводы и примечания обозначаются буквами. В подстрочных примечаниях даются лишь самые необходимые пояснения текстологического характера. Все примечания, помещенные после текста писем, даны в тексте под номерами. Эти примечания имеют целью не только пояснить упоминаемые в письмах имена и события, раскрыть намеки, цитаты и т. п., но и провести везде, где это возможно, соотношение текста писем с биографией и творчеством Пушкина. В примечаниях использованы и письма Андрея Николаевича Карамзина из-за границы, как изданные, так и не изданные, в особенности те, в которых говорится о Пушкине.

В подготовке писем к изданию участвовала группа сотрудников Пушкинского дома: приготовили тексты и выполнили переводы П. Р. Заборов (№№ 5—7, 12, 13, 15, 23—26, 29, 30, 34, 40—43, 45) и М. П. Султан-Шах (№№ 1—4, 8—11, 14, 16—22, 27, 28, 31—33, 35—39, 44, 46, 47); примечания составили Я. Л. Левкович (№№ 11—15, 30—35, 43—44), О. А. Пини (№№ 1—4, 24—29) и В. Б. Сандомирская (№№ 5—10, 16—23, 36—42, 45—47).

